

Глава IX. Раскол

“ В моей природе был всегда коренной недостаток: это любовь к фантастическому, к необыкновенным, неслыханным приключениям, к предприятиям, открывающим горизонт безграничный и которых никто не может предвидеть конца.

М. Бакунин

«Ты только русский, а я интернационалист», — писал Бакунин Огареву. Сознание своей причастности к делу освобождения народов помогло Михаилу Александровичу в тяжелый для него момент разрыва с Нечаевым.

События во Франции привлекли в это время все его внимание.

Шла франко-прусская война. Началась она в конце июля 1870 года, а уж в первых числах августа французские войска потерпели серьезные поражения. Вслед за этим в Париже возникли массовые стихийные демонстрации рабочих, требовавших свержения бонапартистского режима Наполеона III, провозглашения республики и вооружения всех граждан, способных носить оружие.

Революционная волна прокатилась и по другим крупным городам Франции: Лиону, Марселю, Тулузе. В революционном подъеме французских рабочих увидел Бакунин зарю социальной революции, которая, по его расчетам, должна была охватить не только Францию, но Италию, Испанию, романскую Швейцарию, привести к уничтожению государственного строя и установлению свободной федерации в этой части Европы.

Время терять было нельзя, и он немедленно приступил к делу. В продолжение трех дней написал он 23 больших письма в Италию, Испанию, Швейцарию и Францию, призывавших к организации немедленных революционных акций.

«События шли ускоренным темпом, — писал Альбер Ришар. — Я получил от Бакунина несколько писем, живо побуждавших меня подготовить все для революционного движения, которое он считал необходимым. В то время он развивал самую активную деятельность, предлагая всем пошевелиться, быть наготове, предупредить республиканцев. Одно письмо его следовало за другим. Он пригласил Фанелли и других итальянских республиканцев в Локарно. Он сильно рассчитывал на итальянцев, которые представляли ему положение в своей стране как весьма напряженное. Он побуждал испанцев, революционная организация которых сделала крупные успехи, поддержать намечавшееся общее движение».[459]

Одновременно с практическим конспиративным руководством Бакунин считал нужным и открыто высказать свои взгляды по поводу назревшего революционного кризиса. С этой целью он принялся за «Письма к французу», которые и были вскоре изданы в Невшателе Гильомом в виде отдельной брошюры.

Анализируя расстановку классовых сил во Франции, Бакунин писал о предательстве и контрреволюционности буржуазии, революционной последовательности рабочих, сложной непоследовательной линии поведения десятиmillionного крестьянства Франции. От этой последней силы, как правильно считал Бакунин, во многом зависела судьба революции.

Критикуя действия всех, кто ранее стоял во главе революционных движений, Бакунин упрекал их в том, что они всегда хотели делать революцию сами, «своей собственной властью и своей собственной силой».

«...Я решительный враг революции путем декретов... система декретов, желая навязать свободу и равенство, разрушает их. Анархическая система действий вызывает и создает их неминуемо, вне всякого вмешательства какой-нибудь официальной или авторитарной силы...»

«Что же должны делать революционные власти, — и постараемся, чтобы их было как можно меньше, — что они должны делать, чтобы расширить и организовать революцию? — спрашивал Бакунин. — Они должны не сами делать ее, путем декретов, не навязывать ее массам, а вызвать ее в массах. Они должны не навязывать им какую-нибудь организацию, а вызвав их автономную организацию снизу вверх, под сурдинку действовать, при помощи личного влияния на наиболее умных и влиятельных лиц каждой местности».[460]

План этот, как и большинство построений Бакунина, не только утопичен, но и основан на идеализации как народного сознания, так и тех немногих представителей «революционных властей», которых он по необходимости допускает в свою систему.

«Письма к французу» еще далеко не были закончены, как во Франции действительно произошла революция.

После разгрома под Седаном 2 сентября 1870 года французская армия капитулировала. 100 тысяч солдат, офицеров, генералов во главе с императором Наполеоном III оказались в плену. Выступив из Седана, немецкая армия двинулась на Париж. В этой обстановке восставшие рабочие, ворвавшись в Бурбонский дворец, потребовали немедленного провозглашения республики. Третья республика во Франции и на этот раз была завоевана рабочими, но власть оказалась в руках буржуазных лидеров и сторонников Орлеанской династии.

Революционные выступления прокатились по всей стране. Там, где сопротивление буржуазии было слабее, чем в Париже, власть переходила в руки революционных коммун.

В самом Париже у Бакунина не было достаточной опоры, но в провинциях: в Марселе и особенно в Лионе, он имел сторонников. Гаспар Блан (адресат «Писем к французу») и Альбер Ришар возглавляли группу лионских интернационалистов, на которую и делал

основную ставку Бакунин. К тому же, по свидетельству М. П. Сажина: «Весь тогдашний Интернационал юга Франции, хотя по размерам и незначительный, находился тогда под влиянием Бакунина, и поэтому к его приезду в Лион собрались несколько видных интернационалистов из Марселя, Сент-Этьена и других южных городов».[461]

Ехать в Лион Бакунин решил в тот же день, как узнал о событиях в Париже. 4 сентября он послал письмо А. Ришару, настаивая на том, чтобы Лион и Марсель взяли инициативу восстания в свои руки. «Если рабочие Лиона и Марселя немедленно не поднимутся, то Франция и европейский социализм погибли. Поэтому колебания были бы преступлением, я в вашем распоряжении и жду немедленного ответа». Очевидно, ответ не заставил себя долго ждать, так как уже 6 сентября Бакунин писал А. Фохту: «Мои друзья, лионские революционные социалисты зовут меня в Лион. Я решил понести туда свои старые революционные кости и там, вероятно, сыграю свою последнюю игру».[462] Далее в этом же письме он просил Фохта прислать ему денег на дорогу: и для этой, возможно, последней революционной акции средств у него не было ни копейки.

Кстати, деньги на поездку в Лион занял Бакунин и у агента III отделения Романа, подвизавшегося под именем бывшего кавалерийского полковника, а теперь издателя Постникова. Вынужденный дать Бакунину 250 франков, аккуратный Роман тут же представил счет по начальству. Так III отделение неожиданно приняло косвенное участие в революционных акциях своего злейшего врага.

9 сентября вместе с Л. Озеровым и молодым поляком В. Ланкевичем Бакунин выехал из Локарно и 15 сентября был в Лионе. Комитет общественного спасения Франции, взявший власть в Лионе после первых известий о победе революции в Париже, был к этому времени распущен и заменен муниципальным советом, состоящим в большинстве из буржуазных республиканцев. Опорой муниципалитету служила национальная гвардия. Сторонников продолжения и углубления революции было немного. Первым делом Бакунина стало объединение их. Остановившись в доме члена «Альянса» портного Паликса, Бакунин создал там свою конспиративную штаб-квартиру, где непрерывно шли заседания руководителей движения. 17 сентября удалось созвать довольно многочисленный митинг, принявший решение о создании Центрального комитета спасения Франции.

19 сентября Бакунин писал Огареву: «Голова идет кругом, так много дела. Здесь революции настоящей еще нет, но будет, и все готовится и делается для настоящей революции. Я иду на пан или пропал. Надеюсь на близкое торжество».[463]

Митинги проходили почти ежедневно, на них являлись толпы рабочих, недовольных существующим положением. 25 сентября на митинге было принято воззвание, излагавшее программу Бакунина. Афиша с текстом этого воззвания была отпечатана и на другой день расклеена на улицах Лиона. Этот документ, подписанный несколькими французами и одним русским, сообщал об упразднении административной и правительственной государственной машины, о создании во всех федерированных коммунах комитетов спасения Франции и об образовании революционного конвента Франции в Лионе. Обращение заканчивалось призывом к оружию.

Рабочие Лиона волновались, но открытых выступлений пока не происходило. 27 сентября Центральный комитет спасения Франции объявил свои заседания непрерывными. Ночью на заседании впервые открыто выступил Бакунин, высказавшись за вооруженное восстание.

На другой день утром толпа рабочих, явившаяся с красным знаменем на площадь перед зданием ратуши, перешла к решительным действиям и овладела зданием. Предводители движения: Сень, Парратон, Ришар и Бакунин — проникли в ратушу вслед за толпой и оттуда с балкона произнесли речи, обращаясь к народу. В это время в центр города стали подтягиваться батальоны национальной гвардии. Толпа начала рассеиваться.

«Таким образом, — рассказывает сам Бакунин в письме к Э. Беллерио, — комитет неожиданно увидел себя окруженным врагами. Я был там с друзьями и говорил им беспрестанно: „Не теряйте времени в пустых спорах, действуйте, арестуйте всех реакционеров. Разите реакцию в голову“. Посреди этих речей я оказался окруженным буржуазными национальными гвардейцами под предводительством одного из самых ярких реакционеров Лиона, самого мэра г-на Генона. Я отбивался, но меня потащили и заперли в какой-то дыре, порядочно потрепав меня. Час спустя батальон вольных стрелков, обратив в бегство буржуазных гвардейцев, освободил меня. Я вышел с моими освободителями из ратуши, где не было больше ни одного члена комитета».[464]

На другой день, преследуемый властями города, восстановившими буржуазный «порядок», он вынужден был покинуть Лион. Уезжая, он оставил письмо Паликсу, знаменательное тем, что в нем впервые прозвучали ноты сомнения в готовности народа немедленно совершить социальную революцию:

«Дорогой мой друг. Я не хочу уехать из Лиона, не сказав тебе последнего прости. Осторожность запрещает мне прийти к тебе, чтоб в последний раз пожать твою руку. Мне больше здесь нечего делать. Я приехал в Лион, чтобы сражаться или умереть вместе с вами. ...Я покидаю Лион с глубокой грустью, с мрачными предчувствиями. Я начинаю думать теперь о том, что будет теперь с Францией... Бюрократический и военный разум Пруссии в союзе с кнутом петербургского правительства водворят спокойствие и порядок по крайней мере на пятьдесят лет на всем континенте Европы. Прощай, свобода, прощай, социализм, прощай, народная правда и торжество гуманизма. Все это могло бы быть результатом теперешнего состояния Франции, и все это было бы, если французский народ, если бы народ Лиона этого захотел».[465]

Но мотив пессимизма, прозвучавший в этом письме, вскоре сменился надеждами. Побыв некоторое время в Марселе и несколько оправившись от потрясения, вызванного лионской неудачей, он снова склонен был объяснить ее плохой организацией дела.

В письме к Беллерио от 8 октября 1870 года он пишет лишь «об отложенной игре» и о надеждах взять реванш в Лионе и Марселе под носом у пруссаков. Весьма оптимистично звучит и его письмо к французскому республиканцу А. Эскиросу, написанное в те же дни пребывания в Марселе.

Продолжая здесь свою полемику с Герценом, он писал, что его старый друг убит был своим скептицизмом, подорвавшим его душевные силы, в то время как он, Бакунин, напротив, был полон веры, был социалистом-революционером не только в теории, но и в практике. «Я верил в осуществление социалистической теории, а именно благодаря этому я его пережил».

В течение месяца Бакунин пытался вновь организовать силы Марсея и Лиона для еще одной революционной попытки, но все было тщетно. Контрреволюция наступала, народ не проявлял революционной активности.

«Ну, брат, день ото дня хуже, — писал Бакунин Огареву 16 октября, после того как получил известия об арестах в Лионе, — ...народ молчит, уstraшенный казенно-республиканским террором. По найденному списку приказано было арестовать всех... Так что, вероятно, и мне придется скоро убираться отсюда. ...Куда я отправлюсь? Еще не знаю. В Барселону? или Геную, для того чтобы оттуда прямо возвратиться в Локарно. В Барселоне я буду ближе к Франции, чем в Локарно. Ваш совет, друзья?»[466] Друзья настоятельно посоветовали отправиться обратно в Локарно.

Чтобы благополучно выбраться из города, он вынужден был вооружиться не только подложным паспортом, но и изменить свою наружность. Он остриг волосы, сбрил бороду, надел синие очки и, взглянув на себя в зеркало, проворчал: «Эти иезуиты заставили меня перенять свой тип».

Уезжая, он написал письмо своему соратнику по «Альянсу» Сентиньону, незадолго до этого вызванному им в Лион из Барселоны.

«Дорогой друг, я окончательно потерял веру в революцию во Франции. Эта страна совершенно перестала быть революционной. Сам народ сделался здесь доктринером, резонером, буржуа на манер буржуазии. ...Милитаризм и бюрократизм, юнкерская наглость и протестантский иезуитизм пруссаков, в трогательном союзе с кнутом моего драгоценного государя и повелителя, императора всероссийского, станут господствовать на Европейском континенте бог знает в продолжение скольких десятилетий. Прощай, все наши мечты о близком освобождении! Теперь начнется убийственная и страшная реакция».[467]

Вернувшись в Локарно, Бакунин засел за работу. Сначала он предполагал, что будет продолжать «Письма к французу», в которых теперь уже не спеша выскажет все свои взгляды на существующее положение. Но постепенно он обнаружил, что писания его выливаются в отдельную книгу.

«Я пишу патологический эскиз настоящей Франции и Европы, — сообщал он Огареву, — для назидания ближайших будущих деятелей, а также для оправдания своей системы и своего образа действий. Итак, хочу написать нечто полное и вполне цельное. Выйдет не брошюра, а книга».[468]

Целой книги, однако, так и не вышло. Писал он свою работу частями, со многими отступлениями. Выходила она отдельными выпусками. До конца ее он не довел, так как на этот раз борьба в Интернационале отвлекла все его силы. Но то, что в результате вышло под

названием «Кнуто-германская империя и социальная революция», было написано живо, интересно и остро полемически. Задавшись целью создать книгу не на потребу момента, Бакунин не смог, конечно, отойти от вопросов, глубоко его волновавших в настоящее время. Любовь к Франции, боль за ее поражение, за пассивность ее народа, острая критика Германской империи, проблемы социальной революции — все это нашло свое место на страницах книги.

Важно отметить, что в этой работе Бакунин впервые столь отчетливо сформулировал вопрос о движущих силах революции. Неясный, недифференцированный термин — народ в последнее время в его писаниях вообще стал заменяться более конкретными, более точными классовыми понятиями. Еще в 1869 году в письме к Вырубову он писал: «Исторический класс ныне — работник. Вот наш новый мир... Между двумя противоположными мирами, буржуазным и рабочим, есть в действительности много оттенков. ...Я по природе человек не оттенков и потому целиком ушел в рабочий мир».[469]

«Единственный класс, который действительно открыто носит ныне в своих недрах революцию, есть класс городских рабочих», — формулировал он свою точку зрения в «Кнуто-германской империи».

Так рабочее движение дало урок Бакунину, заставив его отойти от утопических представлений о народе вообще и приблизиться к истинному пониманию роли пролетариата в социальной революции.

Но рабочие не могут победить без участия в борьбе крестьян. Как же революционизировать их? «Нужно послать в деревни в качестве пропагандистов вольные отряды, — утверждает Бакунин. — Общее правило, кто хочет пропагандировать революцию, должен сам быть действительно революционным. ...Итак, прежде всего пропагандистские вольгдые отряды должны быть сами революционно вдохновлены и организованы. Они должны носить революцию в своей груди, чтобы быть в состоянии вызвать и возбудить ее вокруг себя».[470]

Первый выпуск «Кнуто-германской империи» вышел в апреле 1871 года. Работу над книгой Бакунину приходилось вести в трудных условиях. Угнетенное моральное состояние после лионской неудачи, физическая надломленность и постоянный фактор — полное отсутствие средств к существованию — делали его жизнь крайне тяжелой.

25 января 1871 года Антонина Ксаверьевна писала одному из друзей мужа: «Мишель находится в очень угнетенном состоянии, он говорит: „Что делать? Я слишком стар, чтобы начинать зарабатывать мой хлеб; мне остается немного времени жить“. Экономический вопрос угнетает его настолько, что он потерял свою энергию и буквально убит».

А вот строки из записной книжки Михаила Александровича зимой 1870/71 года: «Январь 2 — кошелек пуст. Дано Антони 5 франков. 3 — денег ничего нет. Занял у Мари 45 фр. 5 — дано Антони 20 фр. 9 — дано Антони 3 фр. 11 — денег нет. 13 — денег нет. 14 — взято у Мари 40 фр. 16 — получено 200 франков от Гамбуцци. 18 — заплачено 60 фр. в колбасную. 19 — уплачено булочнику 30 фр.: остается в кошельке 67 фр. ...24 — в кармане — 20 фр. 25 — нет

чая. 28 — письмо к мадам Францони; завтра, без сомнения, ответ. Какой ответ: нуль? 200? 300? 400? 29 — получено от мадам Францони 300 фр. Париж капитулировал 28;

...март 2 — в кармане только 16 франков; 6–5 франков в кармане; что делать? обратиться к мадам Францони? 7 — к Францони — ни за что. Всего 5 фр. 8 — болен. 9 — в кармане 3 фр. 30 с. 10 — в кармане остается 1 фр. 85 сант. 11 — осталось 5 сантимов... 13 — нет ответа ни от Гамбуцци, ни от Лугинина тоже. 17 — нет писем, денег нет, в кармане — 99 сантимов... 18 — письмо от Гамбуцци без денег. Взял 110 фр. у мадам Педрацини. Еду завтра».[471]

Мадам Педрацини была квартирной хозяйкой Бакунина. Заняв у ней деньги, Михаил Александрович направился во Флоренцию к Лугинину, который обещал ему заняться вопросом о разделе его с братьями и выделении его доли наследства. Пока же, получив несколько сот франков взаймы, Бакунин 3 апреля вернулся в Локарно.

Обстановку, в которой жил Михаил Александрович в Локарно, описал М. П. Сажин. Узнав, что Бакунин очень бедствует, он собрал среди молодежи 150 франков, купил чаю и табаку и отправился к Мишелю, как звали его в дружеском кругу. Квартира, состоявшая из двух комнат, в одной из которых жил Михаил Александрович, а в другой — Антонина Ксаверьевна с детьми, поразила Сажина своей бедностью. «Обстановка была самая убогая, мебелишка самая простая; так, в комнате его стояли: кровать, стол, три-четыре стула и сундук, в котором лежало белье, а единственная суконная черная пара висела на гвозде; были еще простые полки с книгами. Когда я передал чай, табак и деньги, Мишель расцеловал меня и позвал жену, которая, увидев все это на столе, громко сказала: „Ну вот мы будем и с мясом. Надо сейчас же уплатить булочнику и мяснику, сколько можно, и тогда мы снова будем иметь у них кредит“».[472]

Зима, столь тяжело сложившаяся лично для Бакунина, была полна трагическими событиями в жизни Европы.

Столица Франции переживала осаду. Немцы блокировали город уже 19 сентября. Буржуазное правительство Трошю не хотело оборонять Париж. 27 октября маршал Базэн сдал противнику крепость Мец вместе со всей армией. Пока маршалы и генералы предавали интересы Франции на полях сражений, Тьер по поручению правительства вел в Версале переговоры с Бисмарком о капитуляции. 31 октября в Париже вспыхнуло восстание, которое на другой день было подавлено правительственными войсками. В течение последующих месяцев осады в городе свирепствовали голод, холод и эпидемии.

22 января произошло новое неудачное восстание парижских рабочих, а 28, завершая цепь своих предательств, правительство сдало Париж немцам.

17 февраля главой новой исполнительной власти назначили Тьера. В конце месяца в Версале был подписан позорный для Франции мир с Бисмарком. Пролетариат Парижа ответил на это призывом к оружию. 18 марта 1871 года была провозглашена Коммуна. В последующие дни Коммуны возникли в Марселе, Сент-Этьене, Тулузе, Крезе и нескольких других городах. Революционная волна вопреки мрачным прогнозам Бакунина вновь всколыхнула Францию.

Как же отнесся к этим событиям Михаил Александрович? Прежде всего он попытался установить связь с членом Коммуны Варленом, разделявшим в основном его взгляды, затем он стал собираться к своим друзьям по «Альянсу» в Сонвилье, так как в столь волнующей обстановке, требующей к тому же немедленных действий, не мог находиться один в Локарно. Однако веры в успех революции на этот раз у него не было. Было лишь огромное уважение и сочувствие «парижскому отчаянному движению».

«Чем бы ни кончилось, — писал он Огареву, — а надо сказать, что молодцы. В Париже нашлось именно то, чего мы тщетно искали в Лионе и Марселе: организация и люди, решившиеся идти до конца. Вероятно, они будут побеждены. Но вероятно то, что для Франции отныне не будет другого существования, кроме социальной революции».[473]

В тот же день, 5 апреля, он писал Озерову: «По всем вероятностям, парижане погибнут не даром, сделав дело; пусть положат с собой по крайней мере пол-Парижа. ...Все достоинство этой революции состоит именно в том, что она революция рабочих. Вот что делает организация. Наши друзья во время осады успели и умели организовать и таким образом создали громадную силу, а наши лионские и марсельские остались ни при чем. В Париже сосредоточилось слишком много способных и энергичных людей, так много, что боюсь, чтобы они не стали мешать друг другу. Зато в провинции нет никого».[474]

Приехав в конце апреля в Сонвилье и занимаясь делами «Альянса», Бакунин выступил здесь также и с несколькими лекциями перед рабочей аудиторией. В лекциях он говорил о ведущей роли рабочих в социальной революции, о необходимости их союза с крестьянством.

«Да, дорогие товарищи, вы, рабочие, солидарно объединенные с вашими братьями рабочими всего мира, вы являетесь ныне исполнителями великой и исторической задачи — освобождения человечества. Для выполнения этой огромной задачи вы имеете своим сотоварищем крестьянина. Но крестьянин не обладает еще в достаточной степени сознанием о великой задаче народа. ...Вы должны просветить крестьянина, познакомить его с тем, что такое Социальная Революция».

Настойчивая постановка вопроса о необходимости пропаганды среди крестьян была вызвана прежде всего требованиями момента, когда французские крестьяне оставались безучастными зрителями революционной борьбы Коммун.

Тот же опыт Коммуны подсказывал Бакунину и необходимость требования организации рабочих.

«Если Парижская коммуна, — говорил он, — продолжает геройски держаться до настоящего момента, то причина этого заключается в том, что парижские рабочие во все время осады Парижа объединились в союзы и укрепили свои организации.

...Будем же братьями, товарищи, и организуемся. Не думайте, что мы присутствуем при конце Революции, нет, наоборот, мы переживаем только ее начало. Отныне Революция стоит на очереди, и она будет стоять еще десятки лет. Она настигнет нас рано или поздно. Будем же готовиться, очистимся от наших эгоистических привычек, будем меньше разглагольствовать, перестанем быть крикунами и фразерами... Приготовимся достойно к

этой великой борьбе, которая должна спасти все народы и окончательно освободить человечество. Да здравствует Социальная Революция! Да здравствует Парижская коммуна!»[475]

Призыв к терпеливой организационной работе, которая может продлиться еще десятки лет, к мужеству ожидания перекликается в какой-то мере с аналогичными мыслями в отношении русского движения, высказанными в письме к Нечаеву от 2 июня 1870 года. Видно, весь предыдущий опыт заставил Бакунина в 1870–1871 годах во многом трезвее взглянуть на окружающий мир, пересмотреть свои прежние оценки методов, сил и темпов борьбы.

Пока Бакунин находился в Сонвилье, трагические события в Париже нарастали. 22 мая газеты принесли известие о том, что версальские войска овладели воротами Сен-Клу и, таким образом, проникли в город. Началась агония Коммуны, она вошла в историю под названием «кровавой недели». Над побежденным Парижем раздавались залпы митральез; торжествующие версальцы сотнями расстреливали пленных коммунаров.

В этой обстановке, когда демократическая Европа была потрясена жестокостями версальцев, Мадзини выступил с серией статей против Интернационала и против Коммуны, обвиняя деятелей последней в атеизме и социализме.

Бакунин не считал себя вправе промолчать. Его «Ответ одного интернационалиста Джузеппе Мадзини» был напечатан в виде отдельной брошюры и произвел большое впечатление в Италии.

«В критический момент, когда геройский парижский народ избивался десятками тысяч вместе с женщинами и детьми за то, что он защищал дело гуманности, дело справедливости, великое дело освобождения трудящихся целого мира, в этот момент, когда подлая реакция выливает на парижский народ целые потоки лжи и клеветы, Мадзини, великий и чистый демократ, поворачивается спиной к делу пролетариата, забывает свою роль пророка и апостола и, в свою очередь, также выступает со своим порицанием».[476]

Парижскую коммуны Бакунин продолжал защищать и пропагандировать и во введении ко второму выпуску «Кпуту-германской империи», которое он закончил в июне 1871 года.

«Я, — писал он, — сторонник Парижской коммуны, которая, будучи подавлена, утоплена в крови палачами монархической и клерикальной реакции, сделалась через это более жизненной, более могучей в воображении и в сердце европейского пролетариата; я — сторонник Парижской коммуны в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным отрицанием государства».[477]

Парижская коммуна не была, конечно, примером анархистской организации общества. В разрушении Коммуной буржуазных государственных учреждений увидел Бакунин принципиальное отрицание государства. Однако наряду с разрушением буржуазных государственных институтов главным делом Коммуны стало создание государства нового типа. Этот опыт Коммуны обогатил революционную теорию Маркса и Энгельса. В 1872 году они писали: «В особенности Коммуна доказала, что „рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных

целей“».[478] В. И. Ленин впоследствии подчеркивал: «Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен разбить, сломать „готовую государственную машину“, а не ограничиваться простым захватом ее».[479]

Бакунин и его друзья по «Альянсу» имели прочную опору в Швейцарии в юрских секциях Интернационала. Когда в 1870 году, 4–6 апреля в Ла-Шо-де-Фоне собрался конгресс Романской федерации Международного товарищества рабочих, бакунисты предприняли попытку склонить на свою сторону всю Романскую федерацию.

«Бой, который будет дан в Ла-Шо-де-Фоне, — писал Бакунин, — будет иметь огромный мировой интерес. Он будет предвестником того боя, который мы должны будем дать на предстоящем конгрессе Интернационала».[480]

Главный бой должен был разгореться вокруг вопроса о политической борьбе. Бакунин, как противник политической борьбы, называл участие рабочих в политических кампаниях «местнической политикой буржуазного радикализма». Представители женевских секций доказывали необходимость политических форм борьбы: участия в парламентах, в выборах, вступления в избирательные блоки с радикальной буржуазией.

«Абсурд, будто Интернационал должен игнорировать вопросы политики и рассматривать их как абстракцию».[481] — писал по этому поводу накануне конгресса член Генерального совета Герман Юнг.

Однако уже в первый день заседания разгорелись прения по вопросу о присутствии на съезде делегатов «Альянса». По этому поводу особенно резко выступил делегат женевских секций Утин. «Всегда и везде, — говорил он, — Бакунин проповедует свои пагубные идеи и стремится установить свою личную диктатуру». Называя Бакунина и его друзей «врагами рабочего народа», он, по свидетельству Гильома, заключил свою речь словами: «Если было бы возможно, то Бакунина и его друзей следовало бы гильотинировать ради общего блага».[482]

В результате голосования 21 делегат высказался за присутствие делегатов «Альянса», 18 — против. После этого противники «Альянса» покинули съезд и в последующие дни заседали отдельно.

В итоге оба съезда избрали свои федеральные советы и органы печати. Бакунинский совет обосновался в Ла-Шо-де-Фоне, и его органом стала газета «Солидарность», редактируемая Гильомом. Совет Романской федерации и его орган «Равенство» остались в Женеве.

Так раскол в Романской федерации, давно уже существующий на деле, принял законченные формы. Генеральный совет, поставленный в известность об этих событиях, решил оставить функции федерального комитета за Романским комитетом, юрцам же было предложено образовать свою федерацию.

Юрская федерация, этот опорный пункт Бакунина, не ограничила свою деятельность пределами Швейцарии. Агитационная кампания Бакунина и его сторонников широким фронтом велась в Испании и Италии.

В фарватер бакунизма прежде всего попадает итальянское революционное движение. Разочарование в прежних путях борьбы, особенно явственно сказавшееся после реформистских выступлений Мадзини, стремление к радикальным действиям и программам толкают итальянских революционеров на путь, подсказываемый им Бакуниным.

Начиная с августа 1871 года в итальянской демократической прессе появляется серия его статей, направленных сначала против религиозных воззрений Мадзини, а затем и против его политической программы.

Выступая как член Интернационала, защищая международную солидарность, Парижскую коммуну от нападков реакции, Бакунин в то же время проповедует свои антигосударственные, федералистские идеи.

Благодаря отсталости итальянского рабочего движения, незнакомству широких кругов с опытом революционной борьбы других стран, инстинктивной тяге всех демократических сил к социализму пропаганда Бакунина, выступавшего под флагом Интернационала, имеет большой успех. Его выступления против политической борьбы подхватываются итальянскими революционерами, в представлении которых само понятие политической партии связывается с беспринципностью, политиканством и интригами.

Связи Бакунина в Италии, ограничивающиеся ранее главным образом Неаполем и Флоренцией, распространяются на Милан, Лугано, Болонью и другие города, а число его сторонников быстро растет.

Первые секции Интернационала в Испании были основаны бакунистами, из которых главным деятелем стал Т. Г. Мораго. Используя популярность Интернационала, Бакунин вооружил эти секции анархической программой «Альянса». Таким образом, представительство испанского рабочего движения на конгрессах Международного товарищества с самого начала оказалось анархическим.

Деятельность «Альянса», в значительной мере направленная против руководства Генерального совета всем международным рабочим движением, вносила дезорганизацию в его ряды. Для сохранения и укрепления единства руководства движением необходима была решительная борьба против «Альянса».

Летом 1871 года в Генеральном совете был поставлен вопрос об исключении из Интернационала секций «Альянса».

Некоторые юрские секции решили самораспуститься. Получив известие о таком намерении юрцев, Бакунин был возмущен.

«Пусть не говорят мне, что я должен принести жертву ради блага и успокоения самого Интернационала. Никогда благо чего-либо не может быть достигнуто при помощи подлости. Мы не имеем права склоняться перед ними, потому что, уступая им, мы унижаем наше дело и наши идеи, и, чтобы сохранить видимость мира в Интернационале, мы должны будем пожертвовать для этого правдой и нашими принципами.

Открытая борьба придаст Интернационалу силу и жизнь, потому что в открытой борьбе, в столкновении будут замешаны не только личности, но и принципы и идеи».[483]

Теоретическому основанию этой борьбы Бакунин посвятил и свою главную работу «Государственность и анархия». Начал он писать ее еще в 1870 году, но события увлекли его в другую сторону. После нечаевской эпопеи, после франко-прусской войны и Парижской коммуны, после книги «Кнуто-германская империя» он снова вернулся к прерванной работе. Борьба, развернувшаяся в Интернационале, требовала, считал он, ясной формулировки его позиции. В своем бескомпромиссном отрицании государственности, в своей враждебности к марксистскому учению о государстве Бакунин был глубоко не прав.

Потеряв в пылу полемики объективность оценок, не вдумываясь в аргументацию своих оппонентов, он не заметил главного — того, что сближало анархизм с марксизмом. Этим сближающим моментом и был вопрос о государстве. «Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за „разбитие“ современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте»,[484] — писал В. И. Ленин в 1917 году.

Владимир Ильич пояснял, что государство нужно пролетариату лишь на время. «Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса».[485]

Маркс и Энгельс упрекали анархистов не в том, что они мечтали об упразднении государства, а в том, что осуществить это они хотели теперь же, в том, что принципы анархии они пытались применить в современном строе. Государство не упраздняется, оно отмирает — такова была точка зрения Маркса и Энгельса.

«Из того, что государство — форма преходящая, не следует, что это форма уже прешедшая. — писал Герцен в „Письмах к старому товарищу“, — ...и что значит отрицать государство, когда главное условие выхода из него — совершеннолетие большинства».[486]

Но Бакунин не замечал всей очевидности этих аргументов. Только полная свобода, считал он, могла бы породить и свободную организацию общества.

«Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо, — вот почему мы враги государства».[487]

Бакунин обнаруживает полное непонимание сущности народного государства. Он спрашивает: «Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления?» Нет, это не так, полагает он. Управление будет осуществляться представителями народа. Но и временная диктатура не устраивает Бакунина.

Как же обойтись без нее, как осуществить организацию общества в период революции и в последующее время создания основ новой жизни при том отсутствии «совершеннолетия большинства», о котором писал Герцен?

Социальная революция должна привести к уничтожению всякого принципа власти, и тогда правительство превратится в простое управление общими делами, отвечает на этот вопрос Бакунин. С уничтожением политической централизации, с ликвидацией политического государства будет осуществлен принцип добровольной организации снизу вверх, обеспечивающий полную свободу личностей и групп.

Подобное решение главного вопроса революции, вопроса о власти, крайне утопично.

«Мы не утописты, — писал Ленин, — мы не „мечтаем“ о том, как бы сразу обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне нужны марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без „надсмотрщиков и бухгалтеров“ не обойдутся».[488]

Не менее серьезным для Бакунина вопросом была проблема федерализма. «Маркс расходился и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата), — писал Ленин. — Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в... его рассуждениях нет никакого отступления от централизма».[489]

Из предыдущего рассказа о взглядах и программах Бакунина ясно, что и многое другое принципиально отличало его позиции утопического социализма от социализма научного, однако главную полемическую заостренность своей работы «Государственность и анархия» направил он именно против принципа государственности, безусловными приверженцами которого считал сторонников Маркса.

Но вернемся к конкретным событиям лета 1871 года.

В то время как Бакунин писал свое письмо товарищам по «Альянсу» с категорическими возражениями против самороспуска секций, женеvские его друзья решили вопрос иначе.

10 августа секретарь Женевской секции Жуковский послал в Лондон письмо, в котором извещал Генеральный совет, что «Альянс социалистической демократии, как секция Интернационала, объявляет себя распущенным. Члены бывшего „Альянса“ не отказываются от своей программы; они не могут отказаться от нее до тех пор, пока не будет выработана другая программа, более социалистическая и более революционная».[490]

Сообщение о роспуске «Альянса» пришлось как нельзя более кстати. В обстановке наступившей реакции в Европе необходимо было укрепить ряды Международного товарищества рабочих. Этим целям в значительной мере служила Лондонская конференция Интернационала, созванная в сентябре 1871 года. Ее решения о самостоятельной политической деятельности рабочего класса, о необходимости создания политических

партий пролетариата, о недопустимости сектантства и об организационном укреплении Интернационала были серьезным ударом по бакунистам. Однако последние, объявив о своем роспуске, не сложили оружия, сохранив всю тайную сеть «Альянса».

Понимая опасность, которую может по-прежнему представлять пропаганда Бакунина, учитывая известное его влияние в рабочей среде, конференция предложила Утину собрать все материалы относительно деятельности Нечаева и связи его с Бакуниным. Отчет по делу Нечаева Утин должен был представить Генеральному совету.

Решения Лондонской конференции послужили как бы сигналом к мобилизации сил альянсистов.

12 ноября в Сонвилье собрался съезд Юрской федерации, на котором был принят «антиавторитарный» циркуляр, объявлявший открытую войну Генеральному совету.

Бакунина на этом съезде не было, как не было его и в Женеве, когда вопреки его желанию принималось решение о роспуске «Альянса». Вообще последнее время братья по «Альянсу» вполне обходились без него.

За патриархом анархизма оставались вопросы теории, оставалось и общее руководство, его огромные письма, где практические советы и указания сочетались с размышлениями о судьбах и путях движения.

Пока его товарищи собирали силы для борьбы с Генеральным советом, он был увлечен кампанией, которую развернули в Италии против Мадзини. 14 ноября, во время съезда в Сонвилье, он писал Огареву о том, что продолжает делать свое дело — вести в Италии «отчаянную и победоносную войну с всеми мадзинистами и идеалистами».

Но, получив текст сонвильерского циркуляра, он был им весьма доволен и немедленно принялся за пропаганду этого документа в Италии и Испании.

Приближался конгресс Интернационала, и Бакунин мобилизовал всю тяжелую артиллерию «Альянса».

«Генеральному совету объявлена война, — писал Бакунин итальянским интернационалистам, — но не пугайтесь, дорогие друзья, существование, сила и действительное единство Интернационала от этого не пострадают... К нам уже присоединилось несколько итальянских секций, и мы не сомневаемся также в вашем присоединении. Одним словом, латинский мир с нами».[491]

В письме к «Братьям по Альянсу в Испании» (1872) Бакунин считал нужным конкретнее объяснить цели и задачи организации: «...Это, по существу, боевой союз, имеющий целью организовать мощь народных масс для разрушения всех государств и всех существующих в настоящее время установлений — религиозных, политических, судебных, экономических и социальных, в интересах полного освобождения поработанных и эксплуатируемых рабочих всего мира».

Далее Бакунин писал об отношении «Альянса» к Интернационалу. Охарактеризовав громадные заслуги Международного товарищества и объединения пролетариата «перед великим делом всеобщей социальной революции», Бакунин делал тут же неожиданный вывод о том, что Интернационал «не является учреждением, достаточным для организации и руководства этой революцией».

Свой вывод Бакунин пытался объяснить тем, что широта программы и легальность деятельности Интернационала лишают его возможности стать боевой организацией, способной в ближайшее время произвести социальную революцию. Такую может дать лишь «настоящее тайное общество», каким и является «Альянс», «образовавшийся в самом лоне Интернационала, чтобы дать последнему революционную организацию, чтобы превратить его и все не входящие в него народные массы в достаточно организованную силу, которая могла бы уничтожить политико-клерикально-буржуазную реакцию и разрушить все экономические, юридические и политические установления государства».[492]

Организуя своих союзников, Бакунин был сильно озабочен и их представительством на будущем конгрессе Интернационала. Для этого он давал практические советы итальянским и испанским секциям, советуя им выполнять все условия, необходимые для допущения на конгресс, избегать пока публичной полемики против Генерального совета и т. д.

Тем временем Лафарг, находясь в Испании, убедился в существовании там тайного «Альянса» и информировал об этом Генеральный совет.

Поняв истинные намерения Бакунина, Энгельс 4 августа 1872 года писал Теодору Куно: «Посылаю Вам номер „Емансипацион“ и написанный Лафаргом (зятем Маркса) на испанском языке циркуляр, который прошу Вас тщательно изучить. Из него Вы увидите, чего хотел Бакунин — создать тайное общество внутри Интернационала, чтобы таким путем забрать Интернационал в свои руки. К счастью, тем самым этот план разоблачен и притом своевременно. На этой истории Бакунин сломит себе шею. Генеральный Совет опубликует во вторник по этому поводу обращение, в котором одновременно обвиняет и Испанский федеральный совет, куда входят пять членов Альянса».[493]

Накануне предстоящего конгресса Интернационала, 18 августа 1872 года, в Ла-Шо-де-Фоне собрался съезд юрских секций. На этот раз присутствовал Бакунин. Было решено послать в Гаагу двух делегатов: Гильома и Швицгебеля и вменить им в обязанность потребовать ликвидацию Генерального совета, отмену всякой власти в Интернационале, выступить солидарно со всеми противниками авторитарного принципа.

К решительной борьбе на конгрессе готовились не только бакунисты. Маркс понимал всю опасность создавшегося положения. 21 июня 1872 года он писал Ф. А. Зорге: «На этом конгрессе речь будет идти о жизни и смерти Интернационала. Должны прибыть Вы и по крайней мере еще один, если не двое».[494] О том же он сообщил 29 июля в письме к Кугельману. Энгельс 5 июля писал Теодору Куно: «Бакунин и К^о приложат все усилия к тому, чтобы побить нас на конгрессе, и так как для этих господ все средства хороши, то мы должны принять меры предосторожности».[495]

Для того чтобы выступить на конгрессе во всеоружии, Марксу нужны были точные сведения о последней деятельности Бакунина. Утин еще не представил своего доклада, который он готовил конгрессу, и Маркс обратился к Даниэльсону.

Николай Францевич Даниэльсон, русский революционер, экономист и публицист, занят был тогда переводом «Капитала» и поддерживал постоянную переписку с Марксом и Энгельсом.

28 мая 1872 года Маркс писал Даниэльсону о том, что был бы благодарен ему за точные сведения о Бакунине:

«1) о его влиянии в России и 2) о той роли, которую играла его особа в пресловутом процессе».[496]

4 июня Даниэльсон отвечал: «Я постараюсь возможно скорее удовлетворить Ваше желание получить более подробные сведения о Бакунине. Я думал, что „наш общий друг“ (Лопатин. — Н.П.) во время своего пребывания в Лондоне уже сообщил Вам многое о нем. Сейчас могу только сказать: 1) что он (Бакунин) никогда не пользовался особым влиянием. В настоящий момент о каком бы то ни было его влиянии не может быть и речи, ввиду глупой и некрасивой роли, которую он играл в процессе. 2) К несчастью, эта его роль не вскрылась во время судебного разбирательства, хотя он и был главный в этой истории. Все знаменитые прокламации (с призывами к убийствам, поджогам и т. д.) были составлены им. Однако сам он с величайшим старанием скрывал свое авторство, чтобы не повредить своей репутации на Западе; его адъютант Нечаев (с которым Бакунин очень считался) замалчивал это в своих собственных интересах».[497]

Как видно, информаторы Маркса не отличались точностью. Еще в более тенденциозном освещении представил нечаевскую эпопею Утин, который, по словам представителя испанских секций Ансельмо Лоренцо, считал «своей специальной целью разжигать ненависть и страсти, оставаясь совершенно чуждым великому идеалу, который воодушевлял нас, представителей рабочих интернационалистов».[498]

В своем докладе Утин соединил дело Нечаева с деятельностью «Альянса». К тому же ему удалось достать программу и устав «Альянса», написанные частично собственной рукой Бакунина.

«Из программы ясно видна вся глупость и коварство этого Герострата социальной революции; видно, как он решил завладеть нашим Международным Товариществом, и я не сомневаюсь, что эти документы будут иметь огромную и решающую роль в борьбе на конгрессе»,[499] — писал Утин в августе Элеоноре Маркс.

Но пока огромный доклад Утина (около 12 печатных листов с приложением всех документов) еще не дошел до Лондона, а срок конгресса, назначенного на 2 сентября, приближался, Маркс снова обратился к Даниэльсону с просьбой достать и выслать ему известное письмо к Н. Любавину. «Это письмо могло бы быть для меня весьма полезным, если бы оно было послано мне немедленно. ...Надеюсь, что Вы добудете его. Но нельзя терять ни минуты».[500]

Даниэльсон тотчас же передал просьбу Маркса Н. Н. Любавину, и последний уже 20 августа отправил этот документ в Лондон, сопроводив его собственным обстоятельным письмом:

«Мои личные счета с г-ном Бакуниным, которому был поручен этот перевод, — писал он, — я считаю поконченными... Если я все же иду навстречу Вашему желанию, то только потому, что считаю деятельность названного гражданина крайне вредной и надеюсь, что история с переводом может способствовать его дискредитации. Однако я должен уже теперь заметить, что имеющиеся у меня улики против него не так очевидны, как Вы, возможно, предполагаете. Правда, они бросают тень на эту личность, но недостаточную для ее осуждения.

...Должен сознаться, что сейчас, когда я хладнокровно обдумываю всю эту историю, я вижу, что участие в ней Бакунина вовсе не доказано, Нечаев и в самом деле мог послать это письмо. Одно только несомненно. Бакунин проявил полное нежелание продолжать начатую работу, хотя и получил за нее деньги».[501]

Но как бы ни считал Любавин, а письмо он переслал. Получил Маркс также документы и доклад Утина.

Конгресс начался в Гааге 2 сентября 1872 года. Последний день заседания (7 сентября) был посвящен вопросу об «Альянсе». По этому поводу еще в первый день заседания была создана специальная комиссия из пяти членов под председательством Куно.

Ознакомившись с рядом документов и писем (в том числе и с злополучным письмом к Любавину), опросив свидетелей, комиссия представила конгрессу доклад, в котором содержались следующие выводы:

«1. Что тайный „Альянс“, основанный со статутами, совершенно противоречащими статутам Международного Товарищества Рабочих, существовал, но его существование в настоящее время недостаточно доказано;

2. Что проект статуты и письма за подписью „Бакунин“ доказывают, что этот гражданин пытался, а может быть, и успел основать в Европе общество под названием „Альянс“, имеющее статуты, с точки зрения социальной и политической совершенно противоречащие статутам Международного Товарищества Рабочих;

3. Что гражданин Бакунин пустил в ход нечестные средства с целью присвоить себе целиком или частью чужое имущество, что составляет акт мошенничества; что сверх того для уклонения от выполнения принятых им на себя обязательств он или его агенты прибегли к угрозам».[502]

На этом основании комиссия предложила исключить из Международного товарищества рабочих Бакунина, Гильома и Швицгебеля. При голосовании подавляющее большинство голосов высказалось за исключение Бакунина и Гильома. Швицгебель исключен не был.

Казалось бы, для исключения Бакунина вполне хватало причин политического характера и обвинение его в мошенничестве было излишним. Но члены комиссии и делегаты конгресса были глубоко возмущены не столько фактом присвоения аванса за несделанную работу, сколько злоупотреблением именем революционной организации, которую многие ставили в

связь с Интернационалом. Так личный поступок Бакунина компрометировал не только его, но и Международное товарищество рабочих.

Мотивы исключения из Интернационала, конечно, были крайне неприятны Бакунину, но к разрыву он в принципе был вполне готов.

Пока в Гааге шли заседания конгресса, он, находясь в Цюрихе, готовил все свои силы к созданию уже открытого «Альянса». Для этой цели он занялся редактированием и переделкой программных документов своей организации. Вот краткие записи из его дневника:

30 августа «Армандо (Кафиеро) уехал в Гаагу; я писал конституцию [программу]... 2 сентября: вечером писал конституцию; 3 сентября — устав; 4-го — устав Альянса; ...5-го — писал устав Альянса; приехал Беппе [Фанелли], затем Джакомо; вечером собрание у меня; ...7-го — прибыл Малатеста; 8-го... перед обедом итальянское собрание у меня; вечером итальянцы у меня; 9-го — с 1 до 6 часов чтение и обсуждение устава; с 9 до 1 часу практическая организация; 10-го... завтра приезжают все; бурный вечер; телеграмма к Коста».[503]

11 сентября в Цюрих прибыли делегаты конгресса: Кафиеро, Мораго и др. «Получивши полный отчет относительно всего, что произошло на Гаагском конгрессе, — пишет З. Ралли, — М. А. решил немедленно организовать новый общий конгресс Международного Общества, благо делегаты федеральной части этого общества были под рукой. Было решено не разъезжаться, а... созвать экстраординарный конгресс Юрской федерации, после которого и открыть тут же общий конгресс из всех делегатов как Юрской федерации Швейцарии, так и всех делегатов меньшинства, бывших на Гаагском конгрессе».[504]

1-й анархистский конгресс собрался 15 сентября 1872 года в Сент-Имье. На нем были представлены: Италия, Испания, Швейцария, Франция и Америка. Резолюция конгресса возвещала о создании нового анархистского интернационала.

Анархистский интернационал, на который столько надежд возлагал Бакунин, не стал и не мог стать центром международного движения пролетариата. Просуществовав до конца 1877 года, он распался сам по себе.

Версия #1

Зверобой создал 30 мая 2025 07:01:45

Зверобой обновил 30 мая 2025 07:02:30